

ЖАНР ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ИСТОРИИ СЕМЬИ КАК ЕГО-ДОКУМЕНТ: ПРОБЛЕМА ИМПЛИЦИТНОГО ЧИТАТЕЛЯ¹

Семейная история – неотъемлемая часть существования любой семьи, не только воспроизводящая в определенной последовательности значительные события из жизни ныне живущих ее членов и их предков, но также формирующая семейную мифологию, выступающая скрепой, которая обеспечивает семейную идентичность. Она задает определенную систему ценностей, помогает усвоить определенные образцы поведения, формирует представления о семейных ролях.

В большинстве случаев становление подобной истории происходит более или менее спонтанно. Она складывается в устном виде, передаваясь в форме многократно повторяемых рассказов, которые, будучи, по сути, фольклорными, имеют варианты и претерпевают изменения, обусловленные личностью рассказчика, временем и адресатом рассказывания. Достоверность рассказов подтверждается фотографиями, письмами, наследственными предметами и т.п. Отдельные эпизоды, являясь нарративной составляющей разного рода семейных мероприятий, вроде совместных трапез, дней рождения, помолвок и поминок, постепенно оформляются в цельный текст, из которого – в зависимости от интенции рассказчика – при необходимости могут быть вынуты и воспроизведены или переработаны необходимые рассказчику фрагменты. Таким образом, семейная история существует как набор подвижных и легко заменяемых эпизодов, скрепляют которые наличие героев событий – членов семьи и – в ряде случаев – оценка соответствия/несоответствия поступков этих героев некоей общесемейной поведенческой модели.

Естественно в таком случае, что у отдельных членов семьи возникает соблазн закрепить свою версию истории, записав ее и представив как целое. Большая часть таких текстов пишется для себя и/или для потомков и за пределы семьи не выходит. Куда более редким является случай, когда человек не только сознательно письменно выстраивает

семейную историю, но предлагает несколько ее вариантов, часть которых предназначена для публичного ознакомления. В итоге возникает своеобразный жанр документальной истории семьи, параметры которого мы рассмотрим на примере книги А.В. Зырянова «История уральско-шотландской семьи. Вардроперы, Ятесы и Памфиловы»².

Автор книги – доктор экономических наук, активно преподающий профессор, создатель научных монографий, учебников и статей. Основные направления его изысканий связаны с «товародвижением, логистикой, коммерческой деятельностью»³. В то же время он пишет и издает стихи (сборник «Семейный альбом», 2008), является Почетным председателем Урало-шотландского общества, неспрашено интересуется всем, что связано с Великобританией⁴. Эта сторона деятельности А.В. Зырянова обусловлена добровольно принятой им на себя обязанностью воссоздать историю своей семьи, главная характеристика которой – уральско-шотландская – вынесена автором в заглавие его книги, предназначенной для широкого читателя.

Если члены семьи, по идее, должны интересоваться своими предками, особенно когда ими можно гордиться, то посторонним читателям для приобщения к чужой семейной истории необходима дополнительная мотивация, которая в случае отсутствия иных механизмов (знаменитое имя автора, знаменитая семья и т.п.) вкладывается в сам текст, воссоздавая в самом способе его организации образ предполагаемого получателя заложенной в тексте информации, способного понять авторское послание.

Словесная часть анализируемой нами книги оформлена, по определению ее автора, как «научно-популярное издание»⁵ – авторитетный в читательской среде тип литературы, предполагающий занимательное изложение итогов научных изысканий. Научность книги автор подтверждает тем, что в соответствии с установленными для научных работ правилами его текст имеет научных консультантов⁶, рецензентов⁷, библиографический список. Источниками истории семьи, что специально оговаривается автором, служат книги «официальных» историков⁸, стихотворения, фотографии, рисунки, дневники, воспоминания членов семьи, а также высказывания о семье, найденные в чужих письмах, дневниках, воспоминаниях. Его книгу можно – и автор,

хорошо знакомый с правилами академического письма, это прекрасно осознает – принять за компилят, каковым она, по сути, не является, поэтому он подчеркивает свой вклад в собирание и выстраивание истории семьи: «Изначально основой данного раздела является почти дословный рассказ Маргариты Алексеевны Солюс (урожд. Памфиловой), которая принадлежит к X поколению и является сестрой моей бабушки... Однако в ходе дальнейшей работы ее история была существенно дополнена и уточнена»⁹.

В то же время строгость текстового оформления подчеркивает, что перед нами образец «домашней» историографии. И дело не только в том, что автор в одних случаях цитирует источники точно или поясняет компиляцию¹⁰, а другие, например, «воспоминание бабушки писателя Николая Григорьевича Никонова»¹¹ о том, как она служила в семье Ятесов, приводит безо всяких ссылок. И не в том, что для привлечения читателя в повествование вплетены, казалось бы, необходимые для семейной истории факты¹². Куда более принципиальным оказывается своеобразие заложенных в тексте образов имплицитных автора и читателя, которое состоит в их внутренней противоречивости. своеобразие, сознательно проводимое автором.

Профессиональный исторический текст предполагает выраженную объективность, сколь бы альтернативной общепринятой ни была изложенная в нем концепция. Автор истории уральско-шотландской семьи эту объективность реализует.

Будучи профессиональным исследователем, пусть и в иной области, автор прекрасно отдает себе отчет в субъективности любых частных свидетельств, в том числе и Памфиловых-Вардропперов и их потомков, поэтому он постоянно поверяет частные мнения более строгими, например, статистическими данными¹³. Более того, он подчеркнуто выражает доверие профессиональным историкам, вписывая рассказ о своей семье в общий контекст российской истории – такой, какая уже составлена до него, и собрав воедино множество разрозненных документов. Уже в предисловии, написанном частично в форме аннотации предназначенной для прочтения книги, он подчеркивает новизну своего исследования именно через отсылку к общепринятому (=объективному): «История семьи вплетена в историю России

и Западной Сибири. Она охватывает тему частного предпринимательства во второй половине XIX – начале XX века. Показана не часто освещаемая в литературе жизнь интернациональных семей, образовавшихся в результате смешанных русско-шотландских браков»¹⁴.

Но «объективная» история обычно скрывает своего автора, а в нашем случае авторской позиции присуща демонстративная открытость. Эмоциональность автора, упоминание душевных трат, с которыми связана многолетняя работа над историей семьи, входит в стилевой закон повествования: «В написанной ранее "Истории семьи" и сделанной на ее основе этой рукописи много моих слез, души и сердца»¹⁵. Он открыто выражает восторг, радость, огорчение, подчеркивая, что текст написан «эмоционально прямым потомком, который хотел прикоснуться не только к сухим фактам, но и к жизни и переживаниям своих предков. И поделиться сделанным с людьми»¹⁶. Так же эмоционально автор объясняет, почему взялся за свою книгу: «Как же так, чужие люди, не имеющие никакого отношения к моим предкам, так тепло и подробно рассказывают о них, а я – ученый профессор и правнук своих известных предков пока остаюсь пассивным?»¹⁷.

Автор открыто радуется найденным им похвалам своей семье¹⁸, гордится тем, что в Карском море есть остров, названный – пусть и с ошибкой¹⁹ – по фамилии его предков – Вардропер, благодарит создателей фильма об имени его предков: «Это [документальный фильм "Золото Черной Речки" – М.Л.] трогательный и недолгий рассказ, прежде всего, об Алексее Федоровиче Памфилове и его больших и добрых делах... Мне как его прямому потомку необычайно волнительно было смотреть и пересматривать фильм. Слушать высказывания различных людей (ученых, краеведов, крестьян, дачников). Которые в комплексе создали эффект присутствия, как будто я сам с ними говорю и слушаю их добрые, от сердца идущие слова»²⁰. В качестве выражения признательности он помещает в текст фотографии тех людей, кто помогал ему в поисках: они тоже становятся героями книги²¹. Более того, в истории семьи даже появляется специально выделенный фрагмент «О помощи британцев в поиске моих родственников, покинувших в 1924 году Россию»²².

Автор охотно обсуждает источники, из которых складывается семейная история, так же подчеркивая эмоциональную составляющую

этой работы: «Я во всех случаях старался бережно обходиться с авторским текстом, кому бы он ни принадлежал. Душа противилась их правке. ... Меня поразило то, что, даже используя собственный текст, который я писал порою многие годы назад, я не решался его как-то переделывать. Он, казалось, нес на себе какой-то неуловимый авторитет и отпечаток времени и истории. Свою особую ауру и энергетику»²³. При этом автор подчеркивает, что волен сам определять степень адекватности поставленной задаче приводимого им неочевидного материала. Так объясняется, например, появление в книге фотографий не относящихся к семье людей²⁴ или мемуаров совершенно постороннего человека²⁵.

Таким образом, читатель видит не только результат – объективную историю семьи, но и процесс ее складывания. Книга получает двойной сюжет. С одной стороны, история клана Вардропперов-Памфиловых. С другой – история написания семейной истории, поскольку в рассказе автора поиски родственников превратились в приключение, одарившее дружбой или знакомством со многими хорошими людьми.

Это сближает текст «Истории уральско-шотландской семьи», скорее, с литературным текстом, созданным в жанре документального расследования, где пишущий историю является одним из героев повествования, а создание истории – важнейшей сюжетной линией. Неслучайно, видимо, краткое предисловие к книге написано Д.А. Граниным – известным писателем и к тому же автором одной из популярных отечественных книг, созданных в этом жанре²⁶. Орел авторства «Блокадной книги» подчеркивает значимость частного высказывания, обнаруживающего неизвестное в, казалось бы, очевидном и эмоционально восполняющего фактическую информацию Большой истории.

Если суммировать содержательное противоречие образа автора истории семьи, можно определить его как простодушного историка, который стремится быть предельно объективным и достоверным, но постоянно «срывается», рассказывая, как ему, ученому-профессору, но неспециалисту в области историографии, удалось сделать замечательное дело – составить историю своей семьи.

Кому же адресует свою книгу «простодушный историк», все время подчеркивающий, что есть более полный вариант родословия, предназначенный для внутрисемейного пользования? Как уже отмечалось, в тексте присутствует столь же противоречивый, как автор, имплицитный читатель.

С одной стороны, это потенциальный оппонент, отнюдь не относящийся к числу доброжелательно поддерживающих концепцию автора. Именно ему – стороннику «лакировать» семейную историю адресованы такие, например, пояснения автора: «Об условиях труда рабочих на заводе говорят следующие факты. Примечание [А.З.]. Можно по-разному относиться к этой информации. Одна из внучек А.Ф. Памфилова и А.Я. Вардроппер считала, что это лживая и чрезвычайно идеологизированная информация. Поэтому ее следует исключить. В отношении идеологизированности я согласен. В части степени достоверности следует что-то принять как истину. Таким образом, я все-таки не исключил информацию по двум причинам. Во-первых, нужно использовать какой-то один принцип, когда привлекаешь сторонний материал, т.е. все включать или ничего, оставляя читающему право самому сделать вывод, найти "свою" правду. Во-вторых, я совсем не думаю, что информация столь лжива. Хорошо известно, что уровень эксплуатации рабочих в период становления капитализма был весьма высоким»²⁷.

С другой – читатель – это человек, с которым можно быть достаточно откровенным. Ему можно показывать свои стихи, не опасаясь критики²⁸. Или, обсуждая историю второго брака своей прабабушки, вызвавшего раскол в семье, не скрывать внутрисемейных противоречий: «Автор "английских" воспоминаний Маргарита Вардроппер считал, что он хотел ее денег и имущества. С этим совершенно не согласна российская часть семьи. В частности, – Солюсы, которые считают, что второй муж был интеллигентным человеком, в большой степени помогшим в дальнейшем воспитании детей»²⁹. Более того, сожалея о лакунах в истории, автор обращается к читателям же с просьбой о помощи: «К сожалению, текст книги в этом месте не сохранился: утеряна нижняя часть страницы 240». Как отмечает исследователь, в доступном ему экземпляре, то есть гугловском сканированном, от-

сутствует целый абзац. Там могут быть интересные подробности пребывания Гоувинга в доме Вардропперов. «Так что, обращается ко всем исследователь [а я присоединяюсь], дорогие друзья, если вдруг у кого-то есть возможность взять в местной библиотеке этот томик и отсканировать первые два абзаца XV главы, то благодарность моя будет безмерна»³⁰.

Простодушный историк, пишущий для читателя-друга, стоящего на неприемлемых для автора подходах к истории, – это противоречие снимается волевым усилием автора. Как уже отмечалось, у автора есть сознательная установка на публичность: «Поначалу книга писалась исключительно для семьи автора (детей и внуков). Однако в период ее завершения стало понятно, что значительная часть материала представляет не только чисто семейный интерес, и автор принял решение сделать второй ее вариант, предназначенный для широкой читательской аудитории – людей, равнодушных к истории своего Отечества и дорожащих своими корнями»³¹. Он принципиальный ученый-непрофессионал, в этом смысле близкий своему читателю, которому дается урок обретения надличностного смысла существования.

Из чего исходит автор «Истории русско-шотландской семьи»? Он поддерживает идею постоянного обогащения уже готовой истории. Есть некая общеизвестная историческая канва, своего рода фон, на котором можно, меняя масштаб, развернуть историю своей семьи, то есть факты, связанные с отдельными людьми и событиями, позволяющие уловить некоторые важные закономерности, в его случае – о роли и месте интернациональных семей в российском прошлом.

Семья – это общность, в которой человек получает эмоциональную поддержку, признание, чувство уверенности и безопасности. Она создает устойчивое основание социальному самоопределению человека. А.В. Зырянов с самого начала расширяет границы своего авторства за счет прямых высказываний своих предков. Он взмошел на новую ступень по сравнению со своими предшественниками, которые фотографировали, рисовали, писали дневники, стихи. Именно он взял на себя труд задать параметры родовой идентификации.

Ключевая идея, которую последовательно проводит автор книги: идея плодотворного смешения культур. Не случайно на обложке,

вне сомнения, выполненной под присмотром автора книги, сверху над фотографиями основоположниками этой семьи изображены волынщик и шотландский замок – общеизвестные символы Шотландии, а внизу грязная городская русская улица с классицистским особняком, окруженным одноэтажными домами.

Во Введении, где автор ссылается на авторитет А.С. Пушкина с его хрестоматийным четверостишием «Два чувства равно близки нам...», он посвящает свою книгу прабабушке, урожденной Вардроппер, и прадедушке Памфилову – основателям «интернациональной семьи». Автор, используя факсимильные оттиски писем, дневников, чужие документальные исследования в итоге из всего этого разнородного материала склеивает род лирического повествования, пафос которого – радость от проведенного разыскания, позволившего не только написать цельную историю рода, но и обрести в процессе этого написания новых друзей, обогатить себя.

В предисловии Д. Гранина есть важные слова о том, что в постсоветские времена «все сословия русской жизни открываются как желанная родня»³³. То, что еще недавно было потенциально опасным – родственники из правящих сословий, родственники за границей, внезапно стало своего рода символическим преимуществом. Установление шотландских корней и обнаружение британских родственников автора родословия как раз и оказываются такими «желанными» событиями его жизни.

Идея объединения культур становится краеугольным камнем семейной истории, к каким бы ветвям семьи ни принадлежали ее носители. История семьи начинается с главы «Вардропперы – появление в России», а завершается разделом «XII поколение (Вместо эпилога)» и содержит помимо перечисления известных автору потомков А.Ф. и А.И. Памфиловых, фотографии среднего поколения семьи, отдаленно похожих друг на друга людей, которые носят английские и русские имена. В подписях под фотографиями они названы «правнуками Анны Вардроппер и Алексея Памфилова»³³. В итоге совершенно естественно книгу заключает часть «Урало-шотландское общество» – своего рода приложение к истории русско-шотландской семьи. Она начинается цитатой, авторство которой не указано: «Есть

своя закономерность в том, что группой энтузиастов в Екатеринбурге было создано Уральско-Шотландское общество, а А.В. Зырянов стал его почетным председателем»³⁴.

Автор предлагает читателям цельное изложение семейного мифа, если понимать под мифом формообразующую и объединяющую всех членов семьи историю и выведенную на ее основании идеологию. Миф более или менее внятно объясняет, в чем уникальность конкретной семьи, задает своего рода «шаблоны», на которые могут ориентироваться члены семьи, формируя ее нормы и ценности. Формула семейного мифа вырастает из повторяющихся компонентов семейной истории: в судьбах членов семьи выделяются определенные действия, подтверждающие определенное семейное качество.

Семья Вардропперов-Памфиловых не избежала ударов истории, но ее члены умели спокойно и с достоинством встречать выпад судьбы и продолжать заниматься своим делом. Они не чужды творчеству, которое является их внутренней потребностью (стихи, фотографии, дневники, рисунки членов семьи), но не стремятся во что бы то ни стало выставить его напоказ. Они запечатлевают свою повседневную жизнь для потомков, делают записи о детях, рисуют для них книги, пишут стихи и даже роман о своем прошлом в семье, родня занимает важную часть их жизни. Это люди, верные семье, радостно воссоединяющиеся с ней, выполняющие в мире свою функцию – символизировать родство Шотландии и России.

Автор обнаруживает следы сходства между разбросанными во времени и пространстве членами семьи. Сходство подчеркнуто фотографиями, обнаружено в бытовых привычках. Так, показывая фотографию Офелии, одной из собак прадеда, А.В. Зырянов замечает: «В моем доме с детства и по сей день было много собак и кошек. Они всегда были моими верными друзьями. Ниже будет написано о моей Британской [так! – М.Л.] семье. У них тоже множество зверья, особенно у моей двоюродной сестры Анны Харви. Да и у ее мамы, а у моей тетки Аленушки (Елены Николаевны Вардроппер, урожденной Шишко)»³⁵. Его стихотворение «Две собаки. Ностальгия. Офелия» прямо выражает эту важную для автора идею семейного сходства: «Вот так живем, по

кругу, по спирали./ Путь повторяя испокон веков. / Рождались внуки, деды умирали, / В наследство оставляя нам любовь!»³⁶

Финалом семейной истории становится символическое воссоединение: восстановление семейной могилы. К праху бабушки был подхоронен прах ее умершей в Англии дочери, а на памятник помещены три фотографии: бабушки, расстрелянного неизвестно где ее мужа – деда автора и его тети, умершей вдали от Родины. Восстановление единства расширенной «интернациональной семьи» – вот итог проделанной А.В. Зыряновым работы: «Я горд, что мне довелось быть для них всех кусочком утраченной семьи и России»³⁷.

Написанная им история – это еще и своеобразное восстановление семейной гармонии через символическую реабилитацию своей ветви семьи: «Они [авторы записок – *М.Л.*] не являются прямыми моими предками и уж точно никогда не предполагали, что кто-то, *а тем более – я*, когда-то, спустя полвека после составления ими своих записок, подхватит их дело. Одна из них, жившая в Англии, просто и не знала обо мне, о моем существовании. Другая – видела только раз *простого мальчика из скромной рабочей семьи, внука ее сестры, приехавшего в Ленинград из провинциального Свердловска*. Но я продолжил эту историю, подхватил»³⁸.

В изложении автора история семьи имеет две кульминационные точки: создание урало-шотландской семьи родоначальниками и восстановление утраченных в 1920-е годы связей. Автор предстает в этом случае не объектом, а субъектом истории, выполнившим важнейшую миссию воссоединения семьи. Благородство этой миссии дало ему право на компиляцию текстов разного рода, написанных предшественниками, на создание не летописания, но собственного расследования.

Семейная история, очевидно, выполняет функцию побуждения: читатель, увлекшись восстановленной чужой историей, должен, по идее, заняться восстановлением своей собственной, чтобы в итоге подобные частные истории выполнили функции вспомогательного материала для восстановления полнокровной истории России.

Примечания

¹ Статья подготовлена в в рамках Интеграционной программы УрО–СО РАН «Литература и история: сферы взаимодействия и типы повествования».

² Зырянов А.В. История уральско-шотландской семьи. Вардроперы, Ятесы и Памфиловы. Челябинск, 2012.

³ Там же. С. 5.

⁴ Великобритания: Взгляд из России. Екатеринбург, 2005.

⁵ Установка на популярность очевидна и в оформлении издания: книга обильно иллюстрирована фотографиями, репродукциями, виньетками заставок, орнаментами, обрамляющими поля, и т.п.

⁶ Е.Г. Богданова, В.Н. Ермолаев, А.В. Иванов, Ф.С. Корандей, В.Е. Копылов, А.А. Солдос.

⁷ Кафедра истории России Уральского государственного педагогического университета, В.Е. Копылов.

⁸ Автор, руководствуясь в своей истории правилами оформления научной работы, широко использует систему отсылок к списку литературы в конце книги: «Здесь уместно обратиться к материалам исследования, выполненным Ф.С. Карандеем ... К счастью, сохранились документальные материалы об этом путешествии, которые приводятся и в печати [42]. Они проливают свет на характер встреч тюменцев с иностранными учеными. Приведем краткие выдержки, касающиеся встреч Брема с Вардроперами». Подобного рода замечания есть буквально на каждой странице. См.: Зырянов А.В. Указ. соч. С. 29.

⁹ Зырянов А.В. Указ. соч. С. 12.

¹⁰ См., например: «О состоянии промышленности в городе Екатеринбурге, заводе Ятеса и его хозяине сохранились некоторые сведения [36, с. 46,47, 87, 88, 96, 103, 105, 108, 124, 128, 129, 145, 208, 211; 23, с. 235, 238, 297]. Воспользуемся этими материалами». После чего следует краткий пересказ упомянутых источников. См.: Зырянов А.В. Указ. соч. С. 20.

¹¹ Зырянов А.В. Указ. соч. С. 24.

¹² В связи с тем, что один из родоначальников Роберт Вардропер родился в шотландском городе Абердине, упоминаются и шотландские корни Лермонтова, и то, что в одноименном порту располагалась база подъема со дна Баренцева моря атомной подводной лодки «Курск». См.: Зырянов А.В. Указ. соч. С. 14.

¹³ «В своих воспоминаниях о детстве в Сибири Маргарита Вардропер пишет, что Памфилов не был способным человеком, а его жена – Анна, красивая женщина, была много талантливее его [...] Чтобы лучше и объективнее прояснить ситуацию, обратимся к данным А.И. Баикиной и Л.А. Додоновой, которые дали справочные данные о крупнейших предпринимателях России». Зырянов А.В. Указ. соч. С. 88.

¹⁴ Зырянов А.В. Указ. соч. С. 4.

¹⁵ Там же. С. 10.

¹⁶ Там же. С. 10.

¹⁷ Там же. С. 7.

¹⁸ «Нам это позволило получить яркое, многообразное и очень приятное впечатление

о семьях Вардропперов и Памфиловых», после чего цитирует слова о доме Вардропперов как «оазисе английского гостеприимства на самой границе суровой заснеженной Сибири». Зырянов А.В. Указ. соч. С. 39.

¹⁹ На с. 49–50 приведена соответствующая карта. Имя острову дал Ф. Нансен, признательный прадеду автора за помощь в покупке «тридцати остяжских собак». Зырянов А.В. Указ. соч. С. 48

²⁰ Зырянов А.В. Указ. соч. С. 96.

²¹ «Сведений об истории семьи Памфиловых в моем распоряжении имеется не очень много. Большую помощь я получил от Виктора Ефимовича Копылова, ученого и краеведа, много сделавшего для изучения истории Тюменского края. Он провел титаническую работу по исследованию истории предпринимательства в Тюмени [...] Я горжусь своей дружбой с этим человеком». Зырянов А.В. Указ. соч. С. 73.

²² Зырянов А.В. Указ. соч. С. 155.

²³ Там же. С. 10.

²⁴ «Фотографии помещены мною, чтобы, во-первых, можно было увидеть лица людей, близких семье Вардроппер. А, во-вторых, чтобы, читая подписи на оборотах фотографий, убедиться, что на них изображены друзья Агнессы Вильгельмовны». Зырянов А.В. Указ. соч. С. 53.

²⁵ «Прервем ненадолго воспоминания Маргариты Вардроппер. И вновь в нашем описании обратимся к воспоминаниям другой эмигрантки из России – Евгении Германовны Фрезер. Здесь интересно отметить, что она находилась в таком же примерно возрасте, как и Маргарита (Маргарита старше Евгении лишь на пять лет, а воспоминания относятся к одному возрасту). Обратите внимание, в какой большой степени перекликаются воспоминания двух девочек». Зырянов А.В. Указ. соч. С. 66.

²⁶ Речь идет о «Блокадной книге» (1977–1981), подготовленной Д. Граниным совместно с А. Адамовичем.

²⁷ Зырянов А.В. Указ. соч. С. 21.

²⁸ «Люблю альбом листать, семейный старый. / В нем фотографии имения родового: / Гостиная, стол, самовар, гитара, / Знакомо все, и все не так уже ново. // Вот на диване бабушкины сестры / Перед отцом сидят, красивы и умны. / Высокие и строгие прически, / А у одной – и бусики видны. / Дивана спинка и дорожка кружевная, / Подушка в изголовии лежит. / И зеркало в резной дубовой раме – словесных / Мой прадед здесь порой, наверно, спит». Зырянов А.В. Указ. соч. С. 98.

²⁹ Зырянов А.В. Указ. соч. С. 110.

³⁰ Там же. С. 43.

³¹ Там же. С. 4.

³² Там же. С. 5.

³³ Там же. С. 169–172.

³⁴ Там же. С. 175.

³⁵ Там же. С. 99.

³⁶ Там же. С. 99.

³⁷ Там же. С. 163.

³⁸ Там же. С. 8.